

**III ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС
ТВОРЧЕСКИХ РАБОТ СТАРШЕКЛАССНИКОВ
«ИДЕИ Д. С. ЛИХАЧЁВА И СОВРЕМЕННОСТЬ»**

Автор работы:

Горбачёва Полина Андреевна, 16.12.1992 г. р.
ученица 10 «А» класса

Учебное заведение:

654080 ул. Тольятти д. 30А,

crl@edu.nkz.ru

Муниципальное общеобразовательное учрежде-
ние

«Ступени Открытого Непрерывногообразова-
ния»

школа №4, г. Новокузнецка Кемеровской облас-
ти

Директор: Кудрявцев Владимир Владимирович

Педагог-наставник:

Перекрыстова Наталья Владимировна,

учитель русского языка и литературы

МОУ СОНО школы №4, г. Новокузнецка

**«РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ВЫСКАЗЫВАНИЕМ
Д.С.ЛИХАЧЁВА О ЛИТЕРАТУРЕ...»**

Новокузнецк, 2009

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	- 3 -
О ЛИТЕРАТУРЕ НАСТОЯЩЕЙ.....	- 7 -
О ЛИТЕРАТУРЕ «НЕНАСТОЯЩЕЙ».....	- 11 -
О ПИСАТЕЛЕ НАСТОЯЩЕМ... ..	- 12 -
О «ЛЖЕПИСАТЕЛЕ»... ..	- 14 -
ОБ ИДЕОЛОГИИ.....	- 15 -
О РЕЛИГИИ И ВЕРЕ.... ..	- 20 -
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	- 22 -
ЛИТЕРАТУРА	- 24 -

«Литература – это совесть общества, его душа. Честь и достоинство писателя состоят в том, чтобы правду, право на эту правду отстаивать при самых неблагоприятных обстоятельствах. Собственно, для писателя даже вопрос не стоит: говорить правду или не говорить? Для него это значит: писать или не писать... Литература, в которой не бьется тревога совести, - это уже ложь. А ложь в литературе, согласитесь, - худший вид лжи».

Д. С. Лихачев

Введение

Когда мне сообщили о конкурсе, сразу захотелось попробовать. А вдруг?.. Однако когда передо мной встал выбор темы, я задумалась надолго. Предложенный спектр цитат Дмитрия Сергеевича Лихачева, несомненно, богат, да по-другому и быть не может; в общем-то, если взять даже некоторые работы академика, то цитировать можно практически все – настолько это точно отражает то, что мы думаем, чувствуем, чем живем... Но проблема для меня лично состояла в том, чтобы выбрать какую-то одну цитату – хотелось сказать и о культуре, и о памяти, и о языке.... Однако нужно было выбирать то высказывание, которое бы отвечало моим интересам, было бы близко моим убеждениям, мыслям. И в итоге в качестве эпиграфа, а, следовательно, и темы своей работы, я выбрала высказывание, выражающее мнение Д. С. Лихачёва о литературе.

Вначале нужно внести ясность, что же такое цитата. Откровенно говоря, я «не люблю определения и часто к ним не готова» (так говорил о себе и Д.С.Лихачёв!). Иногда что-то важное, то, что волнует душу, ум, облеченное в слова, утрачивает смысл и кажется неважным: «Мысль, изреченная, есть ложь». Но наш случай все же требует немного конкретики: «цитата – точная дословная выдержка из какого-нибудь текста, сочинения, высказывания»[16;876]. Из определения сразу становится видно, что цитата - это не какой-то самостоятельный жанр, как, скажем, роман или новелла, что без контекста ее рассматривать нельзя, просто потому, что весь смысл высказывания тогда просто исчезнет.

Обратимся к тексту. Любой текст, текст обдуманый и правдивый, рождается не вдруг, не из ниоткуда – человек доходит до мыслей, изложенных в этом тексте, путем испытаний, восприятия жизни; какие-то события резко меняют судьбу. И чем больше таких «поворотов», тем яснее становится, что человек этот сильный и судьба у него значимая, ведь мы в состоянии справиться со всем, что нам выпало, а выпадает, в свою очередь, по справедливости: слабым, безвольным, посредственным людям – мало препятствий. Они, к тому же, не такие уж и сложные. Людям великим, с

«тяжелой» судьбой – суровые испытания. Автор вкладывает в свое изречение гораздо более глубокий смысл, чем может увидеть читатель даже при всем желании, порой мы так и не можем «дойти до самой сути», познать всю ее полноту. Но емкая цитата отражает главный мотив явления, описываемого в тексте. Очень часто (особенно, если это точное высказывание!) после публикации оно начинает жить собственной жизнью, становится «крылатым выражением».

Контекстом выбранной мною цитаты является статья Д. С. Лихачева «Тревоги совести» [10], написанная в 1987 году на заре «перестройки» в России. Статья отражает ключевые мысли выдающегося человека о литературе, но не только! Лихачёв рассуждает о «литературе для наживы, прибыли», о том, кто же такой писатель, об идеологии и ее влиянии на жизнь людей и общества в целом, о религии, вере и ее значении в судьбе человека...

На мой взгляд, есть еще один аспект при работе с любым изречением, текстом, произведением, он, казалось бы, очевиден, но все же я скажу о нем. Выше упоминалось, что любой настоящий текст, созданный автором, пишется под влиянием событий, произошедших с его создателем. То есть в текст этот автор будто вкладывает частичку себя, своего виденья мира. Это, в свою очередь, указывает на то, что при анализе, да и просто чтении какого бы то ни было печатного текста (художественного, публицистического стиля...) всегда следует иметь представление, хотя бы какое-то, что же за человек был тот, кто сотворил это произведение.

Каким был этот человек – Дмитрий Сергеевич Лихачёв? Любой культурный, образованный, хоть сколько-нибудь ориентирующийся в своем времени человек ответит, что Лихачёв был одним из самых выдающихся ученых-филологов, внесших вклад в изучение древнерусской литературы; автор более 500 научных и около 600 публицистических трудов; мыслитель и борец, сражавшийся за сохранение памятников русской культуры, за само ее существование в XX веке. Жизнь его была трудной: в ней были и арест, и заключение, и любимая работа, и наука, и семья, и революция, и войны. Но она была долгой и счастливой, ведь счастьем он считал «иметь привязанности, любить глубоко и серьезно что-то значительное, уметь жертвовать собой ради любимого дела и любимых людей». Дмитрия Сергеевича Лихачёва часто называют, «совестью века», его «свидетелем».

Теперь о том, почему же я мне захотелось писать именно о литературе. Ответ прост. Я люблю литературу. По крайней мере, мне так кажется. Однако я понимаю, что я, по сути дела, еще такой несмышлениш в сравнении с такими людьми, как наши писатели, литературные критики, учителя, Д. С. Лихачёв... И все же, я интересуюсь этим, стараюсь читать, хотя иногда это бывает трудно сделать, если учитывать, какими неоднозначными личностями были люди, писавшие книги. На самом деле, книга – это одно из важнейших изобретений человека, к тому же еще и древнейшее. Это приобретение дало людям удивительную возможность «вести диалог» с человеком, создавшим эти образы, угадывать его мысль, то, что он хотел

донести до читателя. Лихачёв пишет об этом так: «Литература дает нам колоссальный, обширнейший и глубочайший опыт жизни. Она делает человека интеллигентным, развивает в нем не только чувство красоты, но и понимание – понимание жизни, всех ее сложностей, служит проводником в другие эпохи и к другим народам, раскрывает перед вами сердца людей. Одним словом, делает вас мудрыми. Но все это дается только тогда, когда вы читаете, вникая во все мелочи. Ибо самое главное часто кроется именно в мелочах. А такое чтение возможно только тогда, когда вы читаете с удовольствием, не потому, что то или иное произведение надо прочесть (по школьной ли программе или по велению моды и тщеславия), а потому, что оно вам нравится – вы почувствовали, что автору есть что сказать, есть чем с вами поделиться и он умеет это сделать» [9;65].

Хорошо написанное художественное произведение позволяет также совершать путешествия во времени и пространстве; узнавать о мире много интересных вещей; осмысливать свое существование и суть явлений; наблюдать за героями, одновременно находя в них черты, присущие тебе самой или знакомым тебе людям....

Некоторые люди могут возразить мне, что для этого помимо книг существуют еще и театр, кино... Почему многие люди все же отдают предпочтение книгам, а не фильмам? Ведь книга – это творение, где всю магическую, преобразовательскую роль играют слова, наделенные смыслом и образом лишь одним человеком – авторам, а над созданием фильма или постановки работают режиссеры с продюсерами, актеры... К тому же сейчас широко распространено внедрение спецэффектов в канву сюжета фильма. Я вижу причину этого выбора в том, что когда мы читаем книги, то становимся не только свидетелями происходящего с персонажами данного рассказа или новеллы, но и соучастниками... Мы думаем вместе с ними, переживаем за них, но, наверное, главное отличие книги от фильма заключается в том, что я, читая какое-либо произведение, являюсь соавтором, могу не только наблюдать за тем, что создал автор на бумаге, но и сама рисовать в своем воображении образ, соответствующий, по моему мнению, данному герою. Могу согласиться или не согласиться с позицией автора. А готовая постановка фильма или спектакля, уже созданная каким-то одним человеком, подкрепленная игрой актеров, носит чисто субъективный характер и не позволяет зрителю представить или утвердить свой образ видения того, что происходит на экране или на сцене.

Обобщив вышесказанное, я могу сделать вывод относительно того, почему, с моей точки зрения, прочитать (именно «прочитать», а не «почитать») книгу гораздо интереснее и полезнее, чем посмотреть его экранизацию. Вдумчивое чтение позволяет читателю формировать и сохранять собственное мнение, а любая экранизация отнимает эту возможность.

Я была поражена, когда, читая «Письма о добром и прекрасном» Д.С.Лихачёва, я обнаружила фразы, как нельзя точно отражающие одну из причин, по которой литература играет значительную роль в моей жизни: «Художественный образ как бы постепенно «разгадывается» читателем.

Писатель делает читателя соучастником своего творчества. Эта постепенность самораскрытия художественного образа и соучастие читателя в творческом процессе – очень существенная сторона художественного произведения. От этого зависит не только то эстетическое наслаждение, которое мы получаем при чтении художественного произведения, но и его убедительность. Автор как бы заставляет читателя самого придти к нужному выводу. Он делает читателя, повторяю, своим соучастником в творчестве»[8;13].

Однако в литературе, как уже было отмечено выше, тем самым «началом», «ключом» является мысль автора произведения. А сам автор обычно является своеобразным «мостиком» между обществом и человеком. Этот человек, словно точнейший резонатор, улавливает малейшие (что и говорить о больших?) волнения в обществе и, ощущая их почти физически, пытается донести до каждого человека, к тому же предлагая какие-либо выходы из данной ситуации... Выходит, что литературное произведение – это одно из самых эффективных средств доведения до адресата сути, волнующей создателя текстов.

Все без исключения люди читают. Конечно, читательские вкусы у всех разные: кто-то предпочитает серьезную, требующую вдумчивого напряжения литературу, кто-то более легкую для восприятия, к примеру, приключенческую, кто-то почитывает «брошюрную» прессу... Все читают и имеют свое мнение относительно своего чтения. А откуда, как не из книги, более ясно видно, что «такое хорошо, а что такое плохо?» Люди, читая книгу, должны находить связь с тем временем, когда они живут, книга – это отражение правды действительной на бумаге. Если она вполне счастливая и справедливая, все довольны этой действительностью, то и страницы книги должны отражать эту же суть явления. Если же действительность ужасна, в ней царит несправедливость, сила применяется во зло, то литература не должна молчать об этом, потому что по сути она является тем единственным честным голосом, который нельзя заглушить, таково уж ее необъяснимое свойство.

«Литература – это совесть общества...». А что такое совесть? Д.С.Лихачёв понимал под понятием «совесть» комбинацию доминирующей доли памяти и нравственной оценки того, что произошло, ну и, конечно же, к этому «коктейлю» добавляется последний ингредиент – это тот урок, который выносит человек из происшедшего: повторяет он проступок прошлого, либо, неся за него ответственность и помня, что он сделал, приложит максимум усилий, чтобы такое больше никогда не случилось. Получается, литература – это способ не только сказать правду, но и сохранить ее в памяти, отпечатать до боли, чтобы навсегда запомнить, какой вред несло то, о чем эта правда глаголит, и больше уже никогда не повторять своей ошибки...

О литературе настоящей...

Откровенно говоря, эта глава в моей творческой работе, да и вообще в данный момент в жизни, является для меня самым проблематичным и сложным вопросом, просто потому, что я не ощущаю себя вправе судить, ЧТО же собой представляет литература как совокупность поэзии и прозы.

Я попробую выразить то, как я понимаю, что есть художественная литература.

Не так давно я гуляла со своим другом Ваней. Мы встретили его приятеля Эдика. Парень оказался веселый и очень разговорчивый. На вопрос: «Полина, а ты любишь читать?» – я, конечно же, ответила положительно, прибавив для большей ясности наречие «очень». Эдик вдруг обрадовался и заявил, что тоже увлекается чтением. У нас начался серьезный разговор о книгах. Ваня испытал культурный шок. Нам стало его жалко, и мы решили заканчивать разговор, но тут, на Ванину, а как потом оказалось, на Эдикову беду, мне пришла в голову мысль спросить: а в чем же собственно заключается достоинство классической литературы, зачем стоит ее читать? Вопрос был не то чтобы с подвохом – просто было интересно услышать чье-то постороннее мнение по этому поводу. Мне такой вопрос задал мой преподаватель по литературе, когда узнала, что я собираюсь писать эту работу, где «ключами» являются понятия «литература», «совесть», «писатель»...

Эдик думал не долго:

– Ну, как же... чтение – это основной путь развития человека. Книги – это важный и интересный аспект нашей жизни.

Что ж, примерно ясно, что он хотел сказать, что сказал и так ли это. Но я пошла дальше:

– Что же ты считаешь настоящей литературой?

Над этим вопросом время раздумий было примерно 0,7 секунды:

– Конечно же, самая лучшая литература, величайшие произведения – это наша и зарубежная классика, это Пушкин. Достоевский, Гоголь, Лермонтов, Шекспир, Гёте...

Но я все же решила окончательно надоесть ему и спросила:

– А чем же хороши эти произведения? Что позволяет называть классику классикой? Почему люди читают те произведения, которые были написаны сотни лет назад, а то и тысячи? Что в них такого?

Вот тут-то Эдик и впал в ступор, но тут же, совершенно внезапно, мгновенно перестроившись, начал нервничать, суетиться, кричать, что это классика...самый связный ответ был: «Сюжет интересный, написано хорошо!». А ведь на деле-то, ответ этот неправильный, или, точнее будет сказать, не совсем правильный. Неполный. От правильного ответа, на мой взгляд, он составляет около 35%.

Конечно, в архивах классики есть очень неординарные сюжетно-композиционные решения, и это, без сомнения, величайшее достоинство

мастеров, их создававших. Но, если об этом зашла речь, то надо заметить, что сюжетов во всей мировой классике не так уж много, просто каждый автор, если, конечно, он настоящий писатель, добавляет к этому «клише» что-то свое – какие-то детали, ну и, само собой, пишет своим неповторимым слогом, выражает свою позицию, свою мысль – результатом становится уникальное произведение искусства...Посмотрев в «Словаре литературоведческих терминов» определение «художественная литература», я обнаружила такую формулировку, соответствующую моему мнению относительно этого понятия: «Богатство и сложность композиционной структуры и сюжетных ситуаций обусловлены многообразием жизненных противоречий и конфликтов, воздействующих на героя произведения, ставящих его в определенные обстоятельства» [13; 450].

Вот, наконец, можно внести ясность, что же делает классику классикой. Литературой управляет мысль. Именно она является побудительным мотивом, мотивом, который прослеживается на протяжении всего художественного произведения, и ее же в итоге понимает внимательный читатель по прочтении книги, ее осмысливает и принимает или же отвергает...

В этом глобальное отличие настоящей литературы от той коммерческой литературы, которая, создающаяся ради гонорара, выгоды, в наши дни господствует на рынках. Конечно, отличие это далеко не единственное, есть еще ряд существенных разногласий между таким понятием, как «литература настоящая», написанная Настоящими Писателями, и «другими» изданиями, созданными «псевдопророками».

Также особенностью классики, «литературы, проверенной временем», как точно подметил Д. С. Лихачёв, является то, что главным объектом и субъектом (действующим и для кого создается произведение соответственно) становится человек, а он, как правило, не меняется. Важнейшая же задача настоящей литературы – проникновение во внутренний (психологический, душевный, духовный) мир человека (где-то прибегая к созданию образов зверей, вещей; где-то через поступки и ситуации; где-то через детали и мысли...).

Кроме этого, в настоящей литературе преобладает новый взгляд на жизнь и на привычные вещи, а он, в свою очередь, преобразует действительность и переносит читателя в мир, совершенно для него новый. «Над всеми смыслами отдельных слов в тексте, над текстом витает еще некий сверхсмысл, который и превращает текст из простой знаковой системы в систему художественную. Сочетания слов, а только они рожают в тексте ассоциации, выявляют в слове необходимые оттенки смысла, создают эмоциональность текста. Слово в сочетаниях приобретает такие оттенки, которых не найдешь в самых лучших исторических словарях русского языка – оно становится «новым». Язык художественной литературы образен, в художественном языке первостепенное значение имеет обратное – многозначность. Обычный путь создания нового обозначения, нового термина – привлечение метафоры», – так пишет о метафоре, о новом угле зрения

взгляда на жизнь Д.С.Лихачев в своей книге «Письма о добром и прекрасном» [8;13].

Тут важно заметить и еще один момент. Мир становится преображенным, мы замечаем в нем те вещи, о которых раньше и не думали, видим что-то абсолютно под другим углом, а что-то будто через призму радужного стекла, но в то же время мы понимаем, что это наш мир, несколько не искаженный и не надуманный, настоящий, реальный, действительный... «Это и впрямь та жизнь, где мы живем», – думаем мы, удивленно качая головами. Подумать только – а создается этот не узнаваемый нами, такой знакомый мир силой мысли и воображения одного человека – писателя. Что же касается исторического времени, в котором он мог жить, то и оно находит непосредственное отражение на страницах классики, которая, говоря откровенно, под его влиянием и создается.

Более того, литература позволяет увидеть какое-либо явление, предмет, событие не с одной стороны, ограниченно, а под разными углами, рассмотреть его до мельчайших мелочей... Взять простой пример с изображением города Петербурга царской России в произведениях XIX века: Н.В.Гоголь и А.С.Пушкин были современниками, но Гоголь рисует в воображении Читателя город, главной особенностью которого являются люди, – это чиновничий город; у Пушкина же Петербург (в «Медном всаднике») – продолжение, великое творение Петра I, который, однако, совершенно равнодушен к страданиям и желаниям простых людей... Если взять Ф.М.Достоевского, то у него Петербург весь в желто-серой гамме, автор создает отталкивающий эффект... А между тем, это один и тот же город, да и то время, в котором жил каждый из этих великих писателей, практически совпадает в трех вариантах.

А если писатель упоминает какие-то фактические реалии(события, предметы или исторических деятелей, которые присутствуют в литературе того века, времени), то он изображает их не с помощью докучливого примитивного дословного описания, а так, что, беря характерные черты своего времени, он воплощает их в образах героев или сцен. Автор вполне имеет право на создание художественного образа какого-то исторического героя, а не фактуальный эскиз деятеля, но при этом право это не затрагивает хронологию или биографию героя – писатель не искажает ни капельки ни биографию, ни те события, что происходили с его персонажем в реальной жизни. А образ другой. Примером могут служить образы Наполеона Бонапарте, М. И. Кутузова, императора Александра I в романе-эпосе «Война и мир», а также во многих других произведениях отечественной и зарубежной литературы.

И, пожалуй, самым явным следствием всего выше перечисленного может быть такое заявление: читая произведения настоящей литературы, нельзя расслабиться, отдохнуть – приходится быть в постоянном напряжении, следить за текстом, замечать подсказки автора, обдумывать эту информацию... Однако и вознаграждение за эту работу мысли немалое – диалог с писателем, понятие его замысла, его мысли, возможность с ней

согласиться или не согласиться... Ради этого стоит и поднапрячь мозг – дело того стоит. Если опираться на собственный и общественный опыт, а также обращаться к работам Д.С.Лихачёва, то можно сказать, «понимать произведения искусства далеко не просто. Этому надо учиться – учиться долго, всю жизнь. Ибо остановки в расширении своего понимания искусства не может быть. Может быть только отступление назад – во тьму непонимания» [9;92].

Я согласна с высказыванием Дмитрия Сергеевича Лихачёва, что в настоящей литературе всегда бьет жилка совести. Ее там не может не быть просто потому, что тогда литература уже не являлась бы литературой. Очень сложно объяснить, почему же там есть эта артерия самоукора, боли – для меня это является априори, но все же я попытаюсь.

Так уж сложилось, что «историю завоеваний пишут победители – у побежденных нет на это ни сил, ни желания». Я как-то услышала эту фразу и все больше и больше склоняюсь к ее правоте. Но что же это получается? Если историю пишут те люди, у которых есть преимущество, они могут и преувеличить собственную силу или значимость, говоря современным языком, они могут и «приврать». А это будет, согласитесь, нечестно. Вот именно по этой причине и начали появляться летописцы-историки, именно поэтому и возникла такая наука, как история. Но ведь и литература немислима без исторического, эпохального, контекста, точно так же, как и без культурного. Поэтому справедливо будет высказывание, что и литературу должны создавать беспристрастные судьи, которые будут преобразовывать наш мир словом.

Дмитрий Сергеевич Лихачёв в предисловии к своей книге «Литература–Реальность–Литература» утверждает: «Сама литература – реальность в своих произведениях: она представляет собою не только развитие общих эстетических и идейных принципов, но и движение конкретных тем, мотивов, образов, приемов» [10;3]. Я вижу здесь не строгое определение «литература есть реальность», но реальность, создаваемая ею. На мой взгляд, это правильнее, чем если сказать: «Литература есть отражение жизни», – как выразился Н.Г.Чернышевский. Литература имеет право на создание совершенно другой реальности. Но в реальности этой мы должны находить характерные черты нашей, а это невозможно без исторической дымки, пусть иногда и легкой, на уровне аллюзий... Но, повторяю, литература не дословное изображение того, что мы имеем. К сожалению, некоторые люди действительно не замечают того, насколько они порой неправы. Роль обличительницы тоже отводится литературе (сатира, пародия), однако нельзя забывать, что литература, равно как и живопись, скульптура музыка – это искусство. Представьте, если бы музыку не сочиняли, а повторяли бы только те звуки, которые мы слышим в повседневной жизни (порой они не очень приятны для слуха), неужели бы такую какофонию или просто «пресную соль» стал бы кто-нибудь слушать? Неужели бы она рождала образы в воображении и будоражила бы кровь, передавая свою энергетику?... Я так не думаю..

Литература не может утверждать ложные идеалы просто потому, что это уже будет «антилитература». Так уж повелось, что такие понятия как «Бог», «литература» «совесть», «сострадание» противостоят отрицательному началу. На этом все и держится, «борется» наш мир. По-другому быть не может – иначе это будет уже не наш мир, если мы изменим список и расположение в нем приоритетов.

О литературе «ненастоящей»...

«В литературе за последние десятилетия возобладал дух потребительства. Появилась тенденция писать «на продажу», то, что пройдет наверняка. Я не согласен с тем, что писатель — это профессия. Писатель — это судьба. Это жизнь. Свой гонорар писатель может получать только в результате огромного труда. У нас же писательство рассматривается как своего рода «кормушка»: выпускают книжки, локтями пробивают себе дорогу в Союз писателей, чтобы нигде не работать, забывая о том, что хлеб искусства — черствый и трудный хлеб. Мы же в погоне за гонораром утратили чувство краткости. И не только краткости: мы забыли о том, что литература — это учительство и ее миссия — просветительство, то, что изначально составляло ее сущность. Да разве Пушкин, когда писал «Капитанскую дочку», мог думать о гонораре, о том, что ее нужно разогнать до размеров огромного романа? На первый план он ставил свое творчество, свою честь — честь литературы, которой он служил, хотя ведь и ему, как мы знаем, приходилось заботиться о гонораре», — писал Дмитрий Сергеевич Лихачёв в своей статье «Тревоги совести» в 1987 году [10;140]. Если литература, создаваемая с целью заработка в конце 80-х, только-только начинала появляться на арене издательского ремесла, то сейчас, 20 лет спустя, она играет главную роль на рынке продаж печатных изданий.

XXI век называют веком больших скоростей. Это и впрямь так: жизнь мчится бешеными темпами, и человек вынужден подстраиваться под нее, иначе рискует быть выброшен на берег... Семья, работа, дом, обязанности, друзья — все это требует времени, и, когда выдается свободная минутка, человек хочет просто отдохнуть, ни о чем не думать. Однако человеческая сущность не терпит пустоты и тишины, и тут же находится выход: на помощь приходят различные суррогаты жизни — телевизор, компьютер... Многие удовлетворяются только ими, но другая часть, знающая про то, что «чтение — это один из основных путей развития», стремится все же провести редкое свободное время с пользой — почитать книгу.

Но люди, к сожалению, очень устают и хотят дать отдых истерзанному заботами и делами организму, а, с другой стороны, читать — это же полезно... люди в замешательстве.

Тут-то и появляются хитрые особи *homo sapiens* с безошибочным чутьем прибыли. Они понимают, что усталые люди жаждут легкого чтения, которое все мысли бы излагало прямо, не вуалируя их за столькими дета-

лями: поворотами сюжета, образами героев, а самое главное, их последующим анализом...

И за блажь эту, за «легкий», понятный текст люди готовы платить дорого и много: своим временем, которое они попросту убивают за чтением такой продукции; публичным вниманием (страна должна знать своих героев!) и, конечно же, деньгами... Вот эта-то последняя дань и соблазняет многих, так называемых, «писателей». Наверняка, почти у каждого современного человека на книжной полке можно обнаружить какой-нибудь юмористический или, наоборот, кровавый детектив, любовный роман, комикс анимэ, ужастик или, возможно, фэнтези... Что это и откуда? Ответ прост. Это коммерческая литература, которая создается ради получения прибыли. Она совершенно не утомляет мозг читающего ее человека, иногда веселит и позволяет строить догадки, кто есть убийца, а кто жертва... Много еще какие возможности она предоставляет.

Читатели получают свою долю отдыха (если не считать нагрузки глаз и засорения мозгов), а создатель, соответственно, гонорар за свой «шедевр». Все бы хорошо, если бы не один важный момент: огромная часть людей искренне верят в то, что вся «рыночная» продукция и есть настоящая литература и что пишут ее настоящие писатели и писательницы.

И многие люди так и живут с этими представлениями, даже не подозревая, что то, что они так любят читать и гордо именуют «Литературой», — на самом деле всего лишь способ наживы, грубая подделка под искусство.

О писателе настоящем...

Каждый ребенок знает, кто создает литературу, кто пишет книжки — человек этот зовется писателем. Ну а что же это за человек, что в нем такого особенного, что созданные его словом образы настолько правдиво отражают нашу жизнь, а потом начинают жить самостоятельной? Почему люди зачитывают некоторые произведения до дыр и каждый раз находят там что-то новое? Почему, в конце концов, на Земле живет 6,6 миллиардов человек, и только лишь 10000 писателей жили на ней за всю историю существования? Что же отличает этих людей от обычных? В чем их сила?

Дмитрий Сергеевич Лихачёв много писал о том, что такое слово, литература, кто такой писатель: «Русская литература не молчала никогда. Да и разве можно считать литературу литературой, а писателя писателем, если они обходят правду, замалчивают ее или пытаются подделаться под нее? Я не согласен с тем, что писатель — это профессия. Писатель — это судьба. Это жизнь»[10;140]. Толковый словарь дает свое определение: «Писатель — это человек, который занимается литературным трудом, пишет художественные произведения»[16,518]. Я согласна с обоими высказываниями, единственное, они, наверное, говорят о разных сторонах этого понятия: Ожегов в своем словаре с практической, научной точки зрения, а Лихачёв в своих к письмам читателю — с творческой.

Попробуем разобраться. Итак, наверное, каждый из нас, если не знает точно, то догадывается о том, что стать писателем невозможно – им можно только родиться и быть. Я где-то услышала определение, как нельзя лучше отражающее суть понятия «писатель». Это «человек без кожи». Писатель – это не только человек, но и «способ выражения» народной мысли. Многие называют это талантом, другие даром. На самом деле правы и те и другие, просто группы понятий «создавать образы», «писать красиво, интересно» и «выражать саму суть через эти образы, улавливая ее из атмосферы настроений вокруг», «способность почувствовать, предсказать исход нынешней задачи» могут относиться и к человеку, просто хорошо владеющему языком и обладающему творческим мышлением. Но ни в коем случае не может первая группа существовать обособленно от второй группы, не в совокупности, если мы говорим о настоящем писателе.

У одного замечательного японского классика первой половины XX века, одного из моих любимых писателей, Акутагавы Рюноскэ есть эссе «Из слов пигмея» – это собрание миниатюр о главнейших аспектах духовной и бытовой человеческой жизни. Есть в этом эссе миниатюра, название которой «Писатель»:

Многоножка: Попробуй походить на ногах.

Бабочка: ха, попробуй полетать на крыльях[1; 559].

Вся глубина понятия «писатель» отражена в этом маленьком диалоге.

Писатель не принадлежит одному себе, он еще принадлежит и народу, является связующим звеном между человеком и обществом. Он словно душа последнего, чувствующая все виданные ею когда-либо радости и горести в миллионы раз сильнее, чем они есть. А за те, которых он не видел, и не слышал о них, он переживает втройне...

Конечно, такая самоотдача не проходит бесследно: колоссальная отдача, заряд которой получает писатель от своего творчества и от людей, от осознания того, что он делает что-либо для улучшения жизни, для правды. Она, эта отдача, не сравнима ни с чем. Но, так как на любое хорошее найдется и плохое (по простому закону «обратности» и контраста всего в природе), жизнь преподносит литератору и «ложки дегтя», часто большие, чем сама бочка, и подаваемые с большей регулярностью, нежели «капельки меда». Если проследить судьбы известных нам мастеров пера, то только приблизительно 5% из них можно было назвать баловнями судьбы – у остальных жизнь была трудной, но, несмотря на сложные обстоятельства, эти люди творили бессмертные произведения, которые до сих пор ждут все новых исследователей, читателей...

Это если говорить о сущности писателя, что, понятное дело, очень трудно, ведь это мир неясный, гораздо больший, чем наш, и мы просто можем не распознать, не найти слов для каких-то особенностей, черт этого мира...

Что же касается писателя как человека, то здесь будет чуточку проще. Его можно охарактеризовать одним словосочетанием: ни на кого не похожий. Или даже одним словом – уникальный.

Все мы живем, но каждый по-разному, по-своему, и очень часто мы можем сказать о ком-то: с ним интересно общаться, а с ним – нет. Так вот писатель, несомненно, относится к первой группе людей и не только потому, что у него богатый внутренний мир и он мастерски владеет словом. Я позволю себе заявить, что писатель – это человек, у которого очень интересная, насыщенная, яркая жизнь. Конечно, не каждого, ведущего такую жизнь можно назвать писателем, но каждого писателя можно отнести к разряду таких людей. Почему? Все очень просто: чтобы писать, рассказать о чем-то, нужно самому пережить это что-то, иначе теряется то, что называется «вкус» слова, его жизненная мощь, способность рождать образ... А без этого, согласитесь, «человеку, занимающемуся литературным трудом и пишущему художественные произведения», ну никак нельзя!..

О «лжеписателе»...

В предыдущей главе моей работе я начала размышлять о том, кто же такой писатель. В общем-то, это глупая затея, пытаться определить кто есть кто. Различие между писателем (человеком творческим, талантливым, умеющим уловить то, что царит вокруг тебя, и сказать об этом так метко, что ни отбавить не прибавить) и «лжеписателем» (человеком посредственным, пишущим ради гонорара незатейливые рассказы) видно сразу же всякому здравомыслящему читателю.

В 1999 году Д.С.Лихачёв упоминал в своей статье «Тревоги совести» о такой тенденции, как «писать на продажу»[10;140]. Если десять лет назад это явление только зарождалось, было робким и не столь частым в практике, то сейчас это вполне развившаяся и самостоятельная ветвь беллетристики. Но это не литература. То есть, если понимать литературу как книгопечатанье, тогда, конечно же, коммерческая, «рыночная» пресса – это самая что ни есть литература. Но если рассматривать понятие «литературы» так, как оно и есть (искусство), то никоим образом издания, написанные на заказ или ради заработка, не относятся к ней. Логично предположить, что и создают эту продукцию не настоящие писатели, а те, кто работает за деньги. Опять же обратимся к Акутагаве Рюноскэ:

Все таланты с давних пор вешали шляпу на гвоздь в стене так высоко, что нам, простым смертным, не достать. Конечно, не потому, что нет подставки [1; 559].

Есть такие вещи, которые нельзя приобрести, если у тебя их нет. Способность, склонность, талант... Можно создать видимость, играть роль и уверить всех в чем-то, но всегда будет, как минимум, один человек, который будет знать, что ты лжешь, что ты играешь, – это будешь ты. Нельзя

стать писателем, пророком, лишь назвавшись им, должно быть призвание, одаренность...

Есть, однако, еще одна проблема. Многие люди, занимающиеся изданием коммерческой литературы, открыто признают, что они к категории настоящих писателей не относятся, что писать книги для них профессия, они получают за это деньги и не ставят себя в один ряд с Пушкиным и Достоевским. Что ж, тут все честно и никаких недомолвок. Я пишу – мне платят. Неприятность заключается в том, что люди, читатели, заблуждаются, считая их настоящими писателями... Получается, что ответственность за падение статуса литературы в нашем обществе лежит не только на тех, кто ее творит, но и на тех, кто ее принимает. Вполне логично, ведь все наши «писатели» происходят именно из представлений нашего, российского, общества. Если человек настолько несведущ в вопросе того, что, в общем-то и есть одно из средств преодоления времени, средств познания мира и осознания самого себя, своей личности, то логично будет предположить, что и принимать он будет с радостью все, что ему предложат...

Хуже, конечно, когда заблуждается не только читатель, но и автор какого-нибудь «детективчика», считая себя Великим Писателем, однако это довольно редкий случай: чтобы такое случилось, нужно, чтобы человек этот вышел из леса и ни разу не читал Пушкина или Гоголя.

Наличие литературы, культуры – это одно из важнейших отличий человека от животного, ведь книга – это всегда история. История наша, наших ошибок и побед, о которых бы мы и не узнали, не будь они записаны. Поэтому очень важно придавать особое значение тому, кто их пишет, особенно, если это художественная литература, мир которой очень во многом созвучен с нашим.

Об идеологии...

Идеология – система идей и взглядов, выражающая конкретные интересы, мировоззрение, идеалы какого-либо субъекта политики (класса, нации, всего общества, политической партии, общественного движения) [3;248].

На протяжении очень долгого времени в России было самодержавие, царская власть. Власть, несомненно, определяет и идеологию, господствующую в стране. В царской России таковой практически не было. Единственное, что я могу с уверенностью сказать, это то, что каждый русский верил в доброго царя и огромное внимание уделялось церкви, религии. Религия определяла нравственные нормы. Была значима честь, особенно, для дворянина. Еще имели право на существование точки зрения, по сути своей радикально различающиеся, часто противоположные, что, в свою очередь, давало толчок к развитию общества в целом. Конечно же, существовала цензура, но она не была такой уничтожающей и настолько категоричной, как при советской власти в XX веке.

В наше время тоже нет государственной идеологии, которая бы четко формулировала нам какие-либо правила и определяла бы, что «хорошо», а что «плохо». Я думаю, что именно поэтому нам, моим ровесникам, трудно представить, как жили наши бабушки и дедушки всего каких-то 50–70 лет назад.

Для меня сложность понимания того времени заключается не только в том, что не было каких-то технических удобств, без которых сейчас нельзя себе представить ни один дом. У меня просто в голове не укладывается, как можно было жить в стране, где, если ты являешься оппонентом существующего строя, тебе нельзя порой и вздохнуть без того, чтобы об этом не стало известно в определенных учреждениях. Конечно, не являясь свидетелем того времени, я не могу утверждать, что все было плохо, что в обществе царила тиранья и несправедливость. Естественно, было множество плюсов в советской России, однако есть одна особенность того времени, с которой трудно спорить.

Особенность эта состоит в том, что, несмотря на все тяготы и трудности тогдашнего времени общества, эпоха эта изобилует именами известных ученых, открывателей, испытателей. В XX веке родилась и выросла кинематография, был сделан огромный вклад и изучении химии и биологии... Но, раз уж мы ведем речь о литературе, то следует упомянуть великие имена: А.Чехов, И.Бунин, М.Булгаков, А.Блок, С.Есенин, В.Набоков, Н.Гумилев, А.Ахматова, В.Маяковский, Б.Пастернак, О.Мандельштам, М.Цветаева, И.Бродский, В.Шукшин и многие другие...

Их книги переводят на другие языки, люди зачитываются созданными ими произведениями, а между тем, в процессе писательского творчества, на протяжении всей жизни, очень многие из творений этих авторов не печатались в Советском Союзе. Многие литераторы были арестованы или подвергнуты травле, даже убиты (О.Мандельштам), другие во избежание этого вынуждены были покинуть Россию (И. Бунин, Б. Зайцев, И. Шмелев).

А все потому, что «человек с волей не поддается дурному влиянию, он сам выбирает себе путь. Человек же безвольный поддается дурным влияниям, руководствуясь лишь желанием заслужить похвалу и одобрение, какими бы эти похвалы и одобрения ни были: лишь бы хвалили»[8]. К сожалению, таких людей было большинство. В основном это были люди трусливые или же просто стремящиеся к писательско-чиновничьей карьере. Но причины принятия безвольной позиции не снимают с них вины умалчивания обо всем, что творилось в жизни Советского Союза в то время. Люди боялись говорить и, извлекая хоть какую-нибудь пользу из такого положения вещей, вынуждены были превозносить тогдашний строй, либо же молчать. За инакомыслие наказывали: «Стали привыкать жить двойной жизнью: говорить одно, а думать другое. В последние годы особенно остро мы почувствовали недостаток, дефицит гражданской совести. Не то чтобы в нашей общественной жизни скопилось так много пороков, неприглядных явлений; не то чтобы слишком много людей оказались за-

мешанными в махинациях, в неблагоприятных поступках и эти неблагоприятные поступки слишком долго оставались безнаказанными. Мы почувствовали дефицит гражданской совести потому, что молчали. Вроде бы были и объективные причины у нашего молчания: совершавшие дурные поступки люди занимали ключевые посты. И, тем не менее, это не снимает ответственности и с нас самих, не оправдывает и нашей с вами вины. Мы же все видели — и... молчали. Молчала наша совесть»[10;129].

Возможно, это и послужило причиной работы жизненного закона о равновесии всего в природе: в противовес таким («ведомым») людям и появилась в советской стране сначала более или менее «своя», а потом и действительно своя высокая литература, с которой не шли ни в какое сравнение потуги «пролетарских поэтов», оценивавших литературные произведения, исходя не из художественных достоинств, а с точки зрения социального происхождения авторов.

Д.С.Лихачёв очень много писал о той несправедливости, неправильности, которая царила в XX веке в области литературы и ее создателей. Хотелось бы процитировать очень многие из его мыслей о несправедливости в печатной сфере, однако это будет неправильным, ведь автором данной работы являюсь я... Но я, к сожалению, не могу привести примеров из собственного опыта, просто потому, что меня тогда еще не было. Поэтому я все же позволю процитировать выдержку из статьи Лихачёва «И пробил час»: «И ведь посмотрите: сколько словесного мусора выпускается! Об этом говорилось на писательском съезде, правда, к сожалению, в довольно отвлекенной форме: никто не говорил о том, почему выпускаются серые произведения. А сказать надо: потому, что их авторы принадлежат к категории так называемых влиятельных людей в Союзе писателей. От них зависит издательство «Советский писатель», они могут потребовать, чтобы и «Художественная литература» выпускала их собрания сочинений. Сколько ныне живущих писателей обзавелись «собраниями» в пяти, а то и в десяти томах! Между тем тридцатитомное собрание сочинений Достоевского выпускается вот уже пятнадцать лет! Допустимо ли это? Конечно, недопустимо. А попробуйте свободно купить Лескова, Бунина, да даже Пушкина, Гоголя, Лермонтова — то, что составляет нашу национальную гордость. Не купите. Сейчас выходит собрание сочинений замечательного писателя Михаила Зощенко. Но сколько усилий понадобилось для того, чтобы «пробить» его! Когда же зашел разговор о том, чтобы включить в собрание повесть «Перед восходом солнца», один из ответственных работников издательства заявил членам комиссии по литературному наследию Зощенко: «Повесть включать нельзя, о ней говорилось в постановлении, а постановление никто не отменял». «Да вы прочтите повесть! В ней нет никакого криминала!» — настаивали члены комиссии. «Мне незачем читать повесть. Я читал постановление»[10;139].

По-моему, любому человеку становится неприятно, когда ему начинают приказывать что-либо сделать, указывая как именно. Создается впечатление, что он только ничего не значащий инструмент, подчиняющийся

более мастеру, который лучше тебя знает, что и как нужно сделать. В миллион раз хуже, когда ты **ВЫНУЖДЕН** делать то, что тебе не по душе. Видеть несправедливость, понимать, что и другие ее видят, но молчать из-за понимания того, что за твой голос, твоё высказывание могут просто уничтожить тебя и твою семью, людей, которых ты любишь. Это бесспорный аргумент в пользу молчания. И если беспокойство за себя ещё может уйти на задний план, ты можешь рискнуть, сделав смелый поступок, принять за него незаслуженное наказание, то тревога за семью заставляет серьёзно задуматься о высказывании «крамольных» мыслей публично...

Писатель, однако не только частное лицо, но и «выражение народной мысли», поэтому он и не может молчать. Любое зло, очевидцем которого он стал, бьёт его; гложет совесть – он не может не писать... Чувствуя ответственность за то, что происходит, происходило, он должен говорить об этом, чтобы оно, это зло, позор, больше не повторялось. Такое обстоятельство, как наказание, пресечь это не может, потому что потребность закричать об этом заставляет совесть, мораль, душа. А душа, как известно, – вещь не материальная и никакие наказания ей не страшны, да, в общем-то, они и не подействуют, потому что единственное, что может уничтожить душу, – это отказ от нее, от собственного «я», которое, в свою очередь, утрачивается при утере личного мнения и оценки позиции, при утере власти над собою и отдаче ее в другие руки...

А.Солженицын в своём письме к Всесоюзному съезду советских писателей пишет об этом: «За нашими писателями не предполагается, не признается права высказывать опережающие суждения о нравственной жизни человека и общества, по-своему изъяснять социальные проблемы или исторический опыт, так глубоко выстраданный в нашей стране. Произведения, которые могли бы выразить назревшую народную мысль, своевременно и целительно повлиять в области духовной или на развитие общественного сознания, — запрещаются либо уродуются цензурой по соображениям мелочным, эгоистическим, а для народной жизни недальновидным. По понятному свойству литературы все эти искажения губительны для талантливых произведений и совсем нечувствительны для бездарных. Именно лучшая часть нашей литературы появляется на свет в искажённом виде»[14].

М.А.Булгаков – известный во всем мире русский писатель. Несомненно, шедевром его творчества является роман «Мастер и Маргарита». Однако он также мечтал написать собственное жизнеописание, но замысел этот не был осуществлен. И, видимо, в этом была какая-то своя логика, ибо художественное жизнеописание он вел в течение 20 лет. Именно в автобиографических записках писатель наиболее ярко раскрыл свой талант художника-сатирика. Есть у него рассказ «Богема», в котором Булгаков как нельзя точно высмеивает литературу, нужную власти:

«И вот что сделал Гензулаев. Он меня подстрекнул написать вместе с ним революционную пьесу из туземного быта. Оговариваю здесь Гензулаева. Он меня научил: а я по молодости и неопытности согласился. Ка-

кое отношение имеет Гензулаев к сочинению пьес? Никакого, понятное дело. Сам он мне тут же признался, что искренно ненавидит литературу, вызвав во мне взрыв симпатии к нему. Я тоже ненавижу литературу и уж, поверьте, гораздо сильнее Гензулаева. Но Гензулаев зубок знает туземный быт, если, конечно, бытом можно назвать шашлычные завтраки на фоне самых постылых гор, какие есть в мире, кинжалы неважной стали, поджарых лошадей, духаны и отвратительную, выворачивающую душу музыку.

Так, так, стало быть, я буду сочинять, а Гензулаев подсыпать этот быт.

– Идиоты будут те, которые эту пьесу купят.

– Идиоты мы будем, если мы эту пьесу не продадим.

Мы ее написали в семь с половиной дней, потратив, таким образом, на полтора дня больше, чем на сотворение мира. Несмотря на это, она вышла еще хуже, чем Мир.

Одно могу сказать: если когда-нибудь будет конкурс на самую бессмысленную, бездарную и наглую пьесу, наша получит первую премию (хотя, впрочем... впрочем... вспоминаю сейчас некоторые пьесы 1921 – 1924 гг. и начинаю сомневаться...), ну, не первую, – вторую или третью.

Словом: после написания этой пьесы на мне несмываемое клеймо, и единственное, на что я надеюсь, – это что пьеса истлела уже в недрах туземного подотдела искусств. Расписка, черт с ней, пусть останется. Она была на 200 000 рублей. Сто – мне. Сто – Гензулаеву. Пьеса прошла три раза (рекорд), и вызывали авторов. Гензулаев выходил и кланялся, приложив руку к ключице. И я выходил и делал гримасы, чтобы моего лица не узнали на фотографической карточке (сцену снимали при магнии). Благодаря этим гримасам в городе расплылся слух, что я гениальный, но и сумасшедший в то же время человек. Было обидно, в особенности потому, что гримасы были вовсе не нужны: снимал нас реквизированный и прикрепленный к театру фотограф, и поэтому на карточке не вышло ничего, кроме ружья, надписи: "Да здравст..." и полос тумана» [4].

На мой взгляд, у каждого человека должна быть СВОЯ система ценностей, за которую он несет ответственность, нельзя навязывать кому-то свои идеалы. Однако должно входить в эту систему у всех и что-то общее, а это долг, честь и совесть, так как эти понятия не могут быть двойственными: либо ты несешь ответственность за содеянное тобою, осознаешь то, что ты делаешь, либо нет; нельзя быть «получестным» или «полусовестливым». Примечательно, что таких слов в русском языке просто не существует...

Вообще, я не люблю такой радикальности, ограниченности в определении чего бы то ни было. Нельзя рассматривать мир, пользуясь только двоичным кодом, рисуя его двумя красками (черной и белой), но эти три понятия требуют такой категоричности, по-другому просто и быть не мо-

жет, потому что не может быть полутонов в отношении чести, собственного достоинства.

Здесь достаточно будет лишь процитировать одно из изречений Дмитрия Сергеевича Лихачёва, к которому склоняюсь и я: «Одно правило в жизни должно быть у каждого человека, в его цели жизни, в его принципах жизни, в его поведении: надо прожить жизнь с достоинством, чтобы не стыдно было вспомнить»[10].

О религии и вере....

Вопрос о вере, Боге, относится к числу вечных вопросов, поэтому, конечно, рассуждать о нем можно до бесконечности. Однако мне будет немного проще, так как я собираюсь рассмотреть не само понятие веры и существование Бога, а воздействия этих явлений на литературу, на «совесть общества».

Понятно, что совесть не может существовать без нравственных «берегов» (добро и зло), между которыми, словно корабль в море, плывет человек в своей жизни. А «берега» эти во многом определяет то, какое место в списке приоритетов жизни занимает вера. Я позволю себе заявить, что людей, не верящих вовсе, в природе не существует, так как даже атеисты не верят в Бога, но верят в его отсутствие и, уж наверняка, в силу разума.

С моей точки зрения, человек, настоящий человек, не может жить без веры, потому что Бог – это не идол и не судья, как думают многие, а все то добро, что делаешь ты миру и которым мир отвечает тебе. Жить по законам Божиим – это не значит слепо следовать заповедям, написанным в священных книгах, это значит жить по велению своей собственной совести, которая заложена в тебе, которая лечит. Дух Божий – это еще и отец, который всегда выслушает, утешит, укажет верный путь, который останется с тобою навсегда: и в этой жизни, и в иной...

В России на протяжении всей ее истории, начиная с 988 года, всегда, у любого человека, были три святыни: это Царь-батюшка, Вера в Бога и Народ (русская культура, бытность, сам менталитет). В XX же веке революция произошла не только в системе государственности, но и в этой триаде. Она словно бы раскололась: Царя, помазанника Божьего, свергли (причем не просто отстранили от управления, нет, его вместе с ни в чем не повинной семьей расстреляли уже после отречения!). Народ не тронули, но характер народный, дух, выстраивали, кроили, пытались втеснить в какие-то рамки. Церковь же уничтожали в открытую. Снимали колокола, переплавляли их, притесняли церковь. Произвели реформу в правописании (отмена в письме букв «ять», «фита» и «ижица», а также изменения, касающихся местоимений, причастий, прилагательных)...

Конечно же, такие «преобразования» не могли не отражаться на мировоззрении, да и самой жизни русского интеллигента, для которого три этих ценности составляли частичку души, самого себя. Во многих судьбах реформы в области церкви как раз и стали одними из тех самых «поворо-

тов», о которых я упоминала в начале своей работы. Д.С.Лихачёв писал о себе так: «Чем шире развивались гонения на церковь чем многочисленнее становились расстрелы...тем острее и острее ощущалась всеми нами жалость к погибающей России...И с этим чувством жалости и печали я стал заниматься литературой и древнерусским искусством» [20].

Однако религия и понимание ее значения (не только в высоком, духовном, смысле, но и в бытовом, жизненном) сыграли в жизни академика и еще одну очень значимую роль: 3 февраля 1928 года Лихачёв защитил дипломную работу на тему реформы правописания. Она была написана в шуточной форме; в ней указывалось на то, что церковный вариант письма был гораздо предпочтительней для русского человека. А 8 февраля его арестовали: «Формальный повод был поистине смехотворный. Несколько молодых людей объединились в кружок — «Космическую академию наук» со своим «уставом», в котором было заявлено о верности дружбе, юмору и оптимизму. Они занимались «веселой наукой», делали доклады и в шутку «раздавали» друг другу «кафедры». Когда кружку исполнился год, один из «академиков» прислал поздравительную телеграмму якобы от папы римского, которая, однако, привлекла внимание НКВД. Молодых людей обвинили в «связи с папой римским», и дело обернулось нешуточно — все они оказались в лагерях. Это был период «красного террора», который начался задолго до 1937 года» [17]. Но существует также предположение, что арест этот был вызван во многом работой Лихачёва [20].

Но в чем связь литературы и религии?

Первая связь косвенная, а не прямая: человек, верующий, признающий верховенство Бога, его справедливость и осознающий, что ничто в этом мире не проходит бесследно, сотворит произведение, в корне отличающееся от того, которое создаст человек беспринципный, безответственный и непостоянный, живущий без Бога в душе... Да последний, я думаю, и не сможет создать действительно настоящее произведение, относящееся к художественной литературе просто потому, что удел литературы — это добро, главная ее задача — создавать новую реальность, пусть и не соответствующую идеалу, и указывать, или хотя бы пытаться найти выход из сложившейся ситуации... Литература не может воспевать зло, еще и потому, что зло всегда является антиморальным, бесперспективным делом: оно разрушает, а разрушение, как известно, противоречит понятию «жизнь». Добро же помогает строить, создавать. Оно и является самою жизнью...

А вторая связь у меня лично присутствует на уровне ассоциации: церковь является мостиком между человеком и Богом и, в какой-то степени, между миром потусторонним и живым, а литература — это связь между человеком и обществом, следовательно, между миром внутренним и внешним. Опять же выходит, что мир наш внутренний и есть Бог...

Заключение

Итак, пришла пора подвести итог моей работе. Честно говоря, мне не хотелось бы этого делать. Просто потому, что я не знаю, как и что сказать. Если бы я писала какую-либо научную работу, то подвести итог было бы гораздо проще, однако здесь случай другой – работа творческая. Когда ты читаешь хорошую книгу, всегда жаль, если чтение подходит к концу. Такую же аналогию можно провести и с завершением какой-либо деятельности: если тебе доставляет удовольствие заниматься ею, то жаль и прекращать. Мне жаль заканчивать писать эту работу, потому что, делая ее, я занималась любимым делом по любимой теме... Утешает только то, что литература – это такая область, где сказать что-то окончательно никогда нельзя, всегда найдется что добавить, а если обнаруживается новый взгляд на какие-то вещи!..

«Литература – совесть общества», писатель – пророк. По-другому и быть не может. Сейчас, однако, в нашем обществе нельзя похвастаться наличием таких пророков. Конечно, существуют правдивые писатели, но все же «состав», сущность, этих писателей не доведена до той концентрации, какая была, скажем, у Толстого или Лермонтова. И это не их вина. Дело все в том, что сейчас общество в пророке не нуждается (на первый взгляд, не нуждается), оно еще не созрело заново, не отошло от тяжелых советских лет, чтобы явить из себя человека, способного словом зажечь мир вокруг.

Однако я склоняюсь к мысли, что это все же временное явление. Д.С.Лихачев пишет о «ветре перемен» уже в 1987 году [10; 136], то есть 20 лет назад. Можно с уверенностью сказать, что атмосфера духовности, нравственности все же возвращается к тому подобию, какое имела раньше: церкви восстанавливаются, все больше и больше появляется свободы в области слова; появляется свобода вообще, которая, при ее осмыслении, ведет к нравственному подъему.

Несомненно, целый век сталинского режима в стране не может пройти бесследно, да и время течет, и мы, народ, все мы меняемся. Никогда уже не будет той пушкинской России просто потому, что сейчас появились такие вещи и явления, о которых тогда и подумать бы никто не мог. Но в наших силах попытаться, если не вернуть, то сделать лучше то, что мы имеем. «Сейчас общественное сознание изменилось и дает возможность выдвинуться хорошим людям» [10; 132].

По словам одного из современников, «если бы Лихачёва не было, нам бы следовало его придумать». Жизнь – это противостояние противоположностей, добра и зла. Д.С.Лихачёв является примером человека, который прожил свою жизнь красиво. Красиво не в понятии «красивой жизни», как многие сейчас трактуют эту метафору, а красиво в значении сохранения самого себя. Истинная интеллигентность, культура, ответственность за ее сохранение, способность самоотдачи и принятия своей судьбы, но, тем

не менее, и борьба за справедливость – все это удивительнейшим образом соединилось в этом выдающемся человеке.

Вклад Лихачёва в литературу (особенно древней Руси) трудно переоценить. Я должна сказать, что после прочтения его «Писем о добром и прекрасном» остается ощущение какого-то духовного подъема. На самом деле она будто является пособием к тому, как обрести себя и понять, что же такое есть в этом мире. Существенное ее значение заключается в том, что Лихачёв в своих письмах – мудрый наставник и советчик, который не просто учит жить – он помогает жить, руководствуясь Своим опытом.

Я думаю, что если рассматривать литературу как совесть, а писателя как хранителя этой совести, то все же нужно отметить и третье лицо. Это читатель. Если человеку, ничего не слышащему, кричать изо всех сил что-то в ухо, – он не услышит. Если человеку невидящему прямо указать на солнце, он его не увидит. Так и читателю без каких бы то ни было моральных устоев дать прочесть произведение того же М.А.Булгакова, он вряд ли увидит в нем «жилку совести». Круговорот вечен: мы возрастаем из литературы, но мы и растем для ее осмысления.

Литература – это не просто текст, написанный автором для нашего развлечения. Литература – это изящная тесьма, созданная из множества тончайших ниточек, одна из которых – культура народа; другая – убеждения, вера; третья – наша история; четвертая – родина; пятая – мнение автора по какому-либо вопросу, его мысль; шестая – совесть, ответственность перед обществом... Ведь «литература – это учительство и миссия ее – просветительство, то, что изначально составляет ее сущность»[10;141].

*Вот так, склонившись
Над низким столиком с книгой,
Изойду любовью
И время до самой смерти
Скоротаю.*

Акико Есано

Литература

1. Акутагава Рюноскэ. Новеллы; Эссе; Миниатюры: Пер. с яп./ Вступ. статья А. Стругацкого; коммент. В. Гривнина; – М.: Худож. лит., 1985.
2. Библиотека. №7, 2006. стр. 38
3. Боголюбов Л.Н. Обществознание. Учебник 10–11 кл. Ч.,1 6-ое изд. – М.: Просвещение, 2007
4. Булгаков М.А. Записки покойника: (Театральный роман) Богдама. Как существовать при помощи литературы / Сост. В.И.Лосева. – М.: ООО "Издательство АСТ–ЛТД", Вече, 1998.
5. Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2.. – М.: Русская книга, 1993. – с. 144–150.
6. Литературная газета on-line. Еженедельная газета писателей. /www.litrossia.ru/ архив: №47. 25.11.2005 / На грани веков/ Из дневника писателя Виктора Проскурина/ Рябинин Юрий
7. Лихачёв Д.С. Письма о добром и прекрасном, 3-е изд. – М.: Дет. лит. 1989
8. Лихачёв Д.С. Письма о добром. Изд. «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1999
9. Лихачёв Д. С. Я вспоминаю. – М.: Прогресс, 1991
10. Лихачёв Д. С. Избранное: мысли о жизни, истории, культуре. – М.: 2006.
11. Лихачёв Д.С. Литература – Реальность – Литература. / Изд. Советский писатель. Ленинградское отделение, 1981
12. Словарь литературоведческих терминов. Ред. Тимофеев Л.И. и Тураев С.В. – М.: Просвещение, 1974
13. Солженицын А. Письмо IV Всесоюзному Съезду союза советских писателей, 1967, журнал «Слово» М.: 1989, № 8
14. Соловки // Распятые: писатели – жертвы политических репрессий. Вып. 4. От имени живых... / авт.-сост. З. Дичаров. – СПб.: Отд-ние изд-ва "Просвещение", 1998. – С. 131 – 137.
15. Толковый словарь русского языка. Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. / Академия наук. Институт русского языка им. В.В.Виноградова. – 4-ое изд., дополненное – М.: Азбуковник, 1997.
16. Хализев В. Е. Теория литературы. Учеб. 2-е изд. – М.: Высш. шк., 2000
17. Энциклопедия для детей. Т.9. Русская литература. Ч.2. XX век/ Глав. Ред. М.Д.Аксёнова – М.: Аванта+, 1999. стр. 676–677